

О СУДЬБАХ НАШИХ ЗЕМЛЯКОВ...

В конце прошлого года в Омске вышла в свет книга литературоведа, писателя, литературного критика Эдмунда Генриховича Шика (1930-2002) «Литературный Омск в двадцатом веке». Сборник состоит из двух разделов, в первом представлены литературно-критические очерки автора, во второй вошли воспоминания о Э.Г. Шике, написанные его коллегами по педагогической и литературной работе, его учениками. Судьба Эдмунда Генриховича была многие годы связана с Казахстаном. Родился он на Волге, недалеко от города Камышина, в 1941 году семья была депортирована в Казахстан, жили они на руднике Казан-Чункур Семипалатинской области. В 1952 году Э. Шик окончил факультет русского языка и литературы Уральского пединститута, по направлению работал в Гурьевской области – до 1956 года. Затем переехал в Омск, работал завучем в школе, деканом филологического факультета Омского пединститута, проректором по учебной и научной работе. Э.Г. Шик был автором пяти книг, множества публикаций, членом Союза писателей СССР с 1980 года.

В посмертной книге Эдмунда Генриховича Шика есть немало страниц, посвященных творчеству наших земляков, чьи судьбы, как и его судьба, оказались связаны и с Казахстаном, и с Россией – Всеволода Иванова, Павла Васильева, Антона Сорокина, Александра Новоселова. Предлагаем вниманию читателей «Литературной страницы» фрагмент очерка Э. Шика «Литературный Омск первого послеоктябрьского десятилетия», в котором говорится о творчестве Павла Васильева.

Ольга ГРИГОРЬЕВА.

16 ИЮЛЯ – ДЕНЬ ПАМЯТИ ПАВЛА ВАСИЛЬЕВА

Следователи склонны с излишней категоричностью утверждать, что яркая и сочная образность свойственна стихам Васильева о прошлом, равноценных красок для дня сегодняшнего поэт-де не нашёл. Только что приведённые строки из стихотворения «Песня об убитом» заставляют в значительной степени смягчить это категорическое утверждение.

Взаимопроникновение эпического и лирического начал – эта характерная особенность поэтического творчества П. Васильева сказалась уже в первых его печатных выступлениях. В самом деле, разве можно представить себе «Песню об убитом» без лирического образа любимой, и в то же время этот поэтический образ перестаёт жить, если мы попытаемся отделить его от тополя одинокого, который под сердцем хранит «свиноец давно остывших пуль».

Чувствовал это, по-видимому, и сам Васильев, ибо уже в самом

• Здание (слева), где размещалась редакция омской газеты «Рабочий путь» (фото 20-х годов прошлого века). Сейчас на этом доме висит мемориальная доска П. Васильеву.

городе, с которым связаны были лучшие воспоминания о веселье, радости любви:

*Так мы идём с тобой
и балагурим.
Любимая! Легка твоя рука!
С покатых крыш церквей,
казарм и тюрем
Слетают голуби и облака.
Они теперь шумят
над каждым домом.
И воздух весь черёмухой
пропах.
Вновь старый Омск нам
кажется знакомым,
Как старый друг,
оставленный в степях.
(«Простор», 1964, № 1).*

Последний приезд П. Васильева

одном ряду с именами С. Есенина, Д. Кедрина, не изучена его биография...» («Молодой сибиряк», 1962, 18 июля).

Теперь с удовлетворением можно сказать, что за прошедшие с того момента годы сделано немало в изучении жизни и творчества замечательного поэта, нашего земляка. Появились и книги о Павле Васильеве. Приятно заметить, что одна из первых написана омичом, живущим ныне в Алма-Ате, – литературным критиком Павлом Петровичем Косенко, который рассказывал о своей работе: «Я написал эту небольшую по объёму книгу в несколько месяцев, а работал над ней восемь лет. Она родилась из горячей любви к творчеству замечательного советского поэта, которого я с гордостью считаю своим двойным земляком – и по Омску, где я родился и учился, и по Казахстану, где я работаю сейчас... Ныне творчество Павла Васильева любимо самым широким кругом читателей. Если моя повесть сможет полнее раскрыть перед нами человеческий и творческий облик большого русского поэта, я буду считать свою задачу выполненной». (Рукопись П. Косенко хранится на Омском радио).

Полагаю, что автору первой художественной биографии Павла Васильева удалось

МНОГОЦВЕТНАЯ ПОЭЗИЯ ВАСИЛЬЕВА

Молодые поэтические силы тогдашнего Омска чувствовали главную тенденцию поэзии, состоявшую в лирическом освоении нового мира, в обращении к земному, к современному, однако рассказать об этом по-своему, в полный голос никому из них в то время ещё не удалось.

Заметно повысился уровень поэтических вечеров ОМАПП (Омской ассоциации пролетарских писателей – О.Г.) и публикуемых в газете стихов в конце двадцатых годов, когда в литературной жизни Омска принимал участие П. Васильев.

Майским утром 1927 года в редакцию одной омской газеты

«бирских огней», развёл руками. Он умел безошибочно открывать таланты. И открыв, не упускал из виду».

Между тем некоторые из стихов П. Васильева той поры оставались долгое время неизвестными широкому читателю. Так, «Песня об убитом», напечатанная в январе 1928 года в Омске, вошла

в начале творческого пути он обращается и к крупным эпическим жанрам, в частности, к поэме. На одном из вечеров Омской ассоциации пролетарских писателей в 1928 году П. Васильев читал поэму «Прииртышье». В газетной заметке об этом литературном вечере говорилось: «Стихи Васильева, чрезвычайно экспрессив-

ва в Омск относится к 1938 году. Горячо волнуют поэта в этот раз события в Испании: «Павел возбуждён, утром бегаёт за газетами, часто включает радио: в Испании вспыхнул мятеж против республиканского правительства. Быстро становится ясным: испанских фашистов активно поддерживают фашистские правительства Германии и Италии. Местные

редакцию одной омской газеты пришёл светловолосый, вызывающей красоты паренёк. Звучали стихи, и сразу же исчезла холодноватость, которая, как и красота его, бросалась в глаза с первого взгляда. Яркие, неожиданные образы стихотворений увлекли и сотрудничавших, перед глазами невольно авала буква, окутываемая наступающей тьмою:

*Незаметным подкрался
вечер,
Словно кошка к добыче,
Тёмных кварталов плечи
В мутном сумраке
вычертил,
Бухты дрожит неясно,
Шуршат, разбиваясь,
всплывши,
На западе тёмно-красной
Потянулся закат полоской.
(«Рабочий путь»,
1927, 29 мая).*

На другой день стихотворение было опубликовано на страницах газеты «Рабочий путь». Так началось сотрудничество никому тогда неизвестного Павла Васильева с омской газетой, продолжавшее всю последующую, очень небольшую творческую жизнь поэта.

Зрелость пришла к поэту необычайно быстро. Стихи, опубликованные в следующем, 1928 году на страницах омской газеты и в журнале «Сибирские огни», обратили на себя внимание сибирской литературной общественности. Н. Анов вспоминал о первой встрече Павла Васильева с «сибирцевцами»: «Он читал стихи. Читал великолепно. Стихи были сочные, самобытные, властные и убеждённые в своей правоте поражали в них.

- Кто это?..
- Васильев. Павел как будто. Откуда-то из Казахстана.

- Николай Иванович, Васильева надо пригласить к нам. Стихи какие!..

Владимир Яковлевич Зазубрин, главный редактор «Си-

бирские огни», назначенный в январе 1928 года в Омске, вошла лишь в сборник стихов поэта конца 1960-х годов, хотя стихотворение это открывает в творчестве Васильева тему революции и гражданской войны, в нём в яркой образной форме выражено восхищение поэта стойкостью и бесстрашием старой гвардии революционеров:

*Овраг глубокий,
зарос зелёным талом,
Ручей во мху шипучий,
как вино...
Он подошёл,
спокойный и усталый,
И прислонился
к тополиной спиной.
И вот теперь
в моей стране далёкой,
Где синим вечером
осой звенит июль,
Хранит под сердцем
тополь одинокий,
Свиноц давно уже
остывших путь.*

*И в час, когда
с любимой встречались,
В последний час
под лунною листвою
Я ей шепнул
в узор широкой шали,
Я ей шепнул:
«Любимая, стой!»
Мне нежных слов
сейчас не говори ты,
Сейчас, когда пристойней
помолчать.*

*Ты слышишь —
тополь песню об убитом
Поёт листвою
под тихий звон ручья?
(«Рабочий путь»,
1928, 1 января).*

И также сильно, по-васильевски выразительно, звучит каждая строка этого стихотворения! Много слов сказано об яркой эмоциональности, об острой сюжетности стихов П. Васильева. Правда, слова эти говорят обычно о более поздних стихах поэта, однако и это стихотворение, созданное в самом начале творческого пути поэта, достойно пера мастера. Ещё одно обстоятельство нельзя не подчеркнуть: некоторые ис-

ключения, чрезвычайно экспрессивные, остросюжетные и мелодичные, в мастерском чтении автора оставили у слушателей прекрасное впечатление. Совершенно исключительный успех имела поэма «Прииртышье» о прииртышском казачестве, написанная в форме «казачьих запевок». В выступлениях критиков было отмечено, что «Прииртышье» может считаться крупнейшим явлением в сибирской поэзии за настоящий литературный год».

Это не было преувеличением провинциальной критики. Отзывы из поэмы вскоре были опубликованы в журнале «Сибирские огни» под названием «Прииртышские станицы», ставшие позднее двенадцатой главой поэмы «Песни о гибели казачьего войска». Поэзия П. Васильева очень скоро стала заметным явлением советской литературы.

Позднее, став известным поэтом, Васильев часто бывал в своём родном городе. Однако творчество его порою оценивалось в омской печати явно тенденциозно: стихи его в одном фельетоне классифицировались как «ломесь» бездари с кулацко-богемской идеологией».

«Забелин-Васильев были и есть примазавшиеся к советской литературе, - утверждал далее автор фельетона. - Мы самым серьёзнейшим образом предупреждаем молодёжь держаться подальше от этих пылепускателей в поэзии...». Весьма сдержанно, настороженно была встречена в Омске даже близкими Васильеву людьми одна из лучших его поэм - «Соляной бунт»: «Читая страницу за страницей этой яркой поэмы, - писал Ян Озолин на страницах «Рабочего пути», - можно проследить, что перестройка даётся поэту с большим трудом. Путаются в ногах остатки влияния кулацкого поэта Клюева и собственного старого творчества». («Рабочий путь», 1934, 26 июля).

Между тем из-под пера поэта выходили полные лирической взволнованности стихи о родном

ют фашистские правительства Германии и Италии. Молодые волки гитлеровских люфтваффе бомбят испанские города. Нет сомнений: Испания - пролог к кровавой драме, подготавливаемой фашизмом.

- Скоро мы будем бить морду Гитлеру, - говорит отцу Павел, и лицо его становится жёстким:

- Лично я буду это делать с великим удовольствием». (П. Косенко, «Повесть о Павле Васильеве», «Простор», 1967, № 1).

Здесь же, в далёком от Мадрида Омске, родились горячие строки стихотворения П. Васильева «Испания, живи!»:

*...В сыновье сердце
Пепел бьёт Клааса.
Великим осеивается огнём.
Свобода раньше
Фландрий звалась,
Испанией
Теперь её зовём.
И пусть грознее
В зареве бессонном,
Под посвист смерти,
Злой и ледяной,
Наперекор
Наёмным легионам
Знамена взвез
Рекот над землёй.
Весь мир следит
За схваткой небывалой,
Мы зорко смотрим
В сторону твою:
Свободы стяг,
Несокрушимый, алый
И черви свастик
Встретились в бою!..*

Стихотворение «Испания, живи!» полностью впервые было опубликовано в городе, где оно было написано, - в Омске. Журналисты, готовившие специальную страницу, посвящённую творчеству П. Васильева, писали в газете «Молодой сибиряк»: «Мы во многом виноваты перед ним, поэтом редкого по самобытности таланта, оставившим людям стихи прямо-таки бешеной ярости, потрясающего чувства жизни. До сих пор не изучено его литературное наследие, до сих пор не имеем мы ни одной книги о поэте, имя которого стоит в

художественной биографии Павла Васильева удалось справиться с трудной и ответственной задачей - познакомить читателя с жизнью и стихами поэта, помочь понять их.

Трудно удержаться ещё от одной довольно большой выписки из воспоминаний о Павле Васильеве. Строки эти принадлежат Галине Серебряковой, хорошо знавшей П. Васильева. Речь идёт об отношении к многоцветной и эпически сильной поэзии Васильева В. Куйбышева, который, как известно, также жил одно время в Омске: «Куйбышев, дружаськи положил руку на плечо Васильева, попросил его прочесть стихи. Особенностью поэта было то, что он всегда читал их, не заставляя себя упрашивать. И в этот раз он тотчас же начал несколько суховатым голосом свою песню <... >.

Я взглянула на Куйбышева. Стихи его захватили как самая лучшая музыка. Васильев прочёл не одно своё произведение и по просьбе Валериана Владимировича закончил «Повествованием о реке Кульдже»:

*Мы никогда не состаримся,
никогда,
Мы молоды, как один,
О, как весела, молода вода,
Топлящаяся у плотины!
Мы никогда не состаримся,
никогда -*

*Мы молоды до седин,
Над этой страной,
Над зарёю встань
И взглядом переосеки
Песчаный шёлк -
дорогую ткань.
Сколько веков сабел
Тянь-Шань,
И сколько веков пески?*

- Хорошо! Лучше не напишешь! - тихо, с чувством сказал Валериан Владимирович, когда Васильев смолк. - Вот она, подлинно эпическая сила. Очень хорошо...».

Эдмунд ШИК.